

§4 ИДЕОЛОГИЯ И ПОЛИТИКА

Квашонкин А.В.

МАНИПУЛЯТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ РУКОВОДСТВА СОВЕТСКОЙ РОССИИ НА ПРИМЕРЕ «СМЕНОВЕХОВСКОГО ДВИЖЕНИЯ»

Аннотация. Предметом исследования являются манипулятивные технологии по формированию положительного имиджа Советской России за рубежом, использованные большевистским руководством с целью укрепления международного положения государства и возвращения в страну технической интеллигенции в годы НЭПа с помощью «сменовеховского движения». Объект исследования – деятельность Центрального Комитета РКП(б), представителей наркоматов иностранных дел и внешней торговли Советской России по организации и финансированию сменовеховских изданий, направлению их редакционной политики. Источники исследования – переписка лидеров партии и государства по перечисленным вопросам из фондов Российского государственного архива социально-политической истории. Основными методами исследования являются методы конкретно-исторического и сравнительного анализа документов из фондов Российского государственного архива социально-политической истории. Научная новизна работы заключается во введении в оборот широкого круга новых документов из фонда Света Народных Комиссаров Советской России и личной коллекции Сталина Российского архива социально-политической истории. Анализ введенных в оборот документов позволяет по-новому взглянуть на историю сменовеховского движения, определить роль большевистской партии, ее отдельных лидеров и представителей государственных структур в реализации через это движение программных установок по формированию положительного имиджа страны за рубежом и возвращению в Россию технической интеллигенции.

Ключевые слова: Сменовеховское движение, Манипулятивные технологии, Крестинский, Красин, Сталин, Ключников, Потехин, Солодовников, Техническая интеллигенция, Сменовеховские издания.

Abstract. *The subject of this research is the manipulative techniques on the formation of an international positive image of the Soviet Russia used by the Bolshevik leadership for the purpose of consolidation of the international status of the country and the return into the Soviet Union of the technical intelligentsia during the period of the New Economic Policy (NEP) with the help of "Smenovekhovtsy" movement. The object of this research is the work of the Central Committee of the Russian Communist Party (Bolsheviks), representatives of the People's Commissariats of Foreign Affairs and Foreign Trade on organization and financial support of the "Smenovekhovtsy" publishers and the vector of their editorial policy. The sources of this article are the correspondence of the party leaders with the government pertaining to the aforementioned questions from the funds of the Russian State Archive of Sociopolitical History. The scientific novelty consists in the introduction to a scientific discourse of an extensive circle of new documents from the fund of the Council of People's Commissars and private collection of Stalin. The analysis of these documents allow having a new outlook upon the history of Smenovekhovtsy movement, define the role of the Bolshevik Party, its leaders and representatives of government structures in implementation through this movement of the program settings on formation of a positive image of the Soviet union abroad, as well as on return of the technical intelligentsia to Russia.*

Key words: *Technical intelligentsia, Solodovnikov, Potekhin, Kluchnikov, Stalin, Krasin, Krestinskiy, Manipulative techniques, Smenovekhovtsy movement, Smenovekhovtsy editions.*

В марте 1909 г. в России вышла книга «Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции». Ее авторов (Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, П.Б. Струве, А.С. Изгоева, С.Л. Франка, Б.А. Кистяковского, М.О. Гершензона) – широко известных философов, экономистов, юристов, литераторов и публицистов право-кадетского толка либеральная и особенно революционно-демократическая интеллигенция подвергла беспощадной критике. И прежде всего за то, что одной из системообразующих сюжетных линий сборника было – отрицание социальной революции вообще и революции 1905-1907 гг. в частности. По крайней мере, ее событий, после Манифеста 17 Октября. По мнению веховцев, основная масса интеллигенции проявила в годы революции неспособность к позитивному государственному творчеству. «... Огромное большинство депутатов – писал А.С. Изгоев, – за исключением трех-четырёх десятков кадетов и октябристов, не обнаружили знаний, с которыми можно было бы приступить к управлению и переустройству России». Более всего гнев авторов обрушился на социалистические воззрения русской интеллигенции, на ее склонность к «тотальному насилию», пренебрежению к инакомыслящим. Настаивая на отказе от социалистических идей,

веховцы призывали интеллигенцию «обуржуазиться», «пропитаться» духом буржуазного эгоизма – как необходимого компонента перехода к социальному творчеству во имя перехода к высшим формам хозяйства и отрицания домогательств равенства. Иными словами, они предлагали собственную модель «настоящей» интеллигенции полностью интегрированной в капиталистическую систему и занимающейся созидательным трудом в самых различных областях.

События Февраля и Октября 1917 г. круто изменили российскую действительность. Утопические, по мнению авторов «Вех», социалистические идеи (да еще и в примитивизированном виде) были положены большевистским руководством в основу государственной политики. Раскол русской интеллигенции, самостоятельная и насильственная эмиграция ее значительной части за рубеж обострили и без того болезненные вопросы об отношении интеллигенции к существующему в России режиму и о возможной ее роли в дальнейшей судьбе страны. Тотальное неприятие Советов не могло полностью вытеснить любовь к исторической Родине и ее культуре и по мере того, как октябрьские события отходили в прошлое, ненависть к большевикам уступала место мыслям о позитивном будущем России.

Почву для надежды на возвращение Отечества в цивилизованное (по мнению большинства эмиграции) русло развития дал НЭП (НЭП – «Новая Экономическая Политика», была введена весной 1921 г. как альтернатива политике «Военного коммунизма» периода Гражданской войны; суть НЭПа – частичные разгосударствление и либерализация экономики с допущением элементов рыночного механизма).

Вынужденный рядом кризисов хозяйственно-политического характера и провалом идеи близкой мировой революции, поворот в экономической политике большевиков совпал с осознанием ими невозможности изолированного, без поддержки, развития, с одной стороны, и необходимости привлечения технической интеллигенции, – с другой. Вот на этой то волне и появляется то, что вошло в историю Советской России как «сменовеховство». В 1921 г. в Праге вышел в свет сборник статей мало известных в эмигрантской среде литераторов и публицистов из бывших кадетов под названием «Смена вех». Авторы сборника – Н.В. Устрялов, С.С. Чахотин, А.В. Бобрищев-Пушкин, Ю.Н. Потехин, Ю.В. Ключников и др. – высказали предположение, что смена парадигм в экономической политике большевиков должна логически повлечь изменения в политической системе России, а следовательно, долг эмиграции – отрешиться от личных обид и политических амбиций и содействовать экономическому возрождению Родины через преодоление большевизма изнутри. Одновременно с выходом сборника в Берлине и Париже организуются постоянные сменовеховские издания – «Новый мир», «Смена вех» (позже – «Накануне») и др.

В советской, да и в западной историографии это явление рассматривалось традиционно как исключительно самостоятельная реакция части русской эмигрантской интеллигенции на изменение ситуации в Советской России, вызванное введением НЭПа. «Поворот РКП(б) к НЭПу – пишут, к примеру, авторы вышедшего уже в 1991 году учебника «Наше Отечество. Опыт политической истории», – вызвал во всем мире определенные надежды на либерализацию советского режима, которые усиленно подогревались эмигрировавшими из России кадетами, меньшевика-

ми, эсерами» [1, с. 172]. «Будем объективны и признаем, – цитируют они сменовеховцев, – что среди вершителей современных русских судеб есть люди, наделенные достаточным чувством реальности и не враги эволюции ...» [1, с. 173]. Подобный же взгляд на сменовеховство мы находим в монографии А.Г. Соколова «Судьбы русской литературной эмиграции» 1991 года издания и т.д. Не ставя под сомнение объективное существование в эмигрантской среде сменовеховских идей, позволим себе поставить вопросы о «чистоте» движения, истинных финансистах и организаторах, а также об отношениях лидеров сменовеховского движения между собой и ... с представителями большевистского руководства(!?).

Любопытный свет проливает на историю этих сюжетов переписка советского полпреда в Германии Н.Н. Крестинского с ЦК ВКП(б) летом и осенью 1922 г.

Поворот к НЭПу во внутренней политике ознаменовался поисками новых подходов в проведении внешней. Генуэзская конференция европейских держав по экономическим вопросам в послевоенный период, куда была приглашена и Россия, давала шансы на получение столь необходимых на восстановление страны кредитов. Условиями же получения последних были как известно – смягчение политического террора и признание долгов царской России. Ни того, ни другого большевики делать не хотели. Нежелание отступать от догм стимулировало поиски «нетрадиционных» средств решения проблемы. Одним из таких «чудо-средств» была неудавшаяся попытка организации в Генуе параллельно с Конференцией конгресса Коминтерна. Другим – организация в поддержку Советской России общественного мнения, в том числе и с помощью авторитетных представителей из эмигрантских кругов.

Рождение идеи крупномасштабной пропагандистской акции на основе использования зарубежной печати можно отнести к концу 1921 – началу 1922 года. От первоначального использования чисто коммунистической печати решено было перейти к созданию под эгидой наркоматов Внешней торговли и Иностранных дел ряда скрыто-просоветских изданий с привлече-

нием литераторов и публицистов из эмиграции. Финансирование созданных изданий проводилось в каждом конкретном случае специальным решением Политбюро и контролировалось, помимо указанных наркоматов, Агитпропотделом и Финкомиссией ЦК РКП(б).

Первые же поиски нужных работников, помимо прочих, привели и в стан сменовеховцев – людей, на шумевших своим сборником, вызвавших всеобщее внимание, но, в большинстве своем, относительно малоимущих. Индивидуальные переговоры завершились успехом и уже в начале 1922 г. состоялся первый, осторожный с обеих сторон, опыт «политического сотрудничества». При участии сменовеховцев журналы «Новый мир», «Война и мир», «Новый путь» и, наконец, «Смена вех» открыли серию просоветских публикаций. Однако, «первый блин», как водится, «вышел комом»: статьи, в большинстве своем, оказались грубовато-подобострастными и политический рейтинг изданий стремительно падал, еще, как следует, и не поднявшись. Кроме того, с первых же шагов, в среде авторов возникают острые внутренние разногласия по редакционно-политическим и финансовым вопросам. Наиболее осторожный из них, Ключников, настаивал на более тонкой – «правой» организации кампании. Будучи главным распределителем выделяемых на издание журнала Красиным денег, он лично не спешил стать безоговорочным апологетом советской политики и всеми силами пытался сохранить свой авторитет в правых кругах эмиграции. По его настоянию редакция «Смены вех» включала в номер статьи типа «Светлой памяти Колчака», вызывая недовольство хозяев и иронию товарищей по перу (А.В. Колчак – один из лидеров белого движения в период Гражданской войны, в 1918 – 1920 г.г. «верховный правитель Российского государства»). Судя по воспоминаниям, Лукьянов, Бобрищев-Пушкин, Чахотин не жаловали Ключникова и тяготились его редакционной и финансовой диктатурой. Противоборство сторон проявило наличие разногласий в среде организаторов издания. О силе «либерального течения» в руководстве партии свидетельствует в частности решение Секретариата ЦК РКП(б) от 18 апреля 1922 г. «О снабжении

Губкомов РКП иностранной литературой». В перечне определенных к закупке изданий, помимо «Накануне», значились также (Суворинское) «Время», (право-кадетский) «Руль», (Милюковские) «Последние новости», (Черновский) «Голос России», (меньшевистский) «Социалистический вестник». На этой волне, в феврале 1922 г., не разделявший «буржуазного либерализма», Н.Н. Крестинский получил постановление ЦК ВКП(б) о ликвидации в Берлине журнала «Новый Мир» и о создании «на время Генуэзской конференции» новой сменовеховской газеты [2, д. 217, л. 26]. НКИД курировал также газету «Новый путь»; 9 марта 1922 г., по представлению М. Литвинова, Политбюро ЦК РКП(б) приняло постановление: «п.20. Удовлетворить ходатайство НКИД о прекращении издания газеты «Новый путь», возложив политическую ответственность на НКИД» [3, д. 273, л. 3]; одновременно с закрытием «Нового Мира», 25 марта 1922 г. прекратилось издание журнала «Смена Вех».

Вместе со Степановым, опальным и опытным газетчиком, он вступает в переговоры с берлинской и парижской группами «Смены вех» и пытается сформировать редакцию на паритетных основах. Но безоговорочно «объединить» уже переругавшихся авторов нашумевшего сборника полпреду не удастся. Общий план – создания редакции «из парижан и наиболее надежных берлинцев» [2, д. 217] во главе с Ю.В. Ключниковым, Б.В. Дюшеном и переметнувшимся на сторону советов бывшим колчаковцем – полковником Б.И. Солодовниковым – потерпел полный провал. Щепетильность ситуации и позиция ЦК заставляли искать на пост главного редактора человека, пользовавшегося авторитетом большинства эмиграции, включая ее правые круги. Таким, из реальных претендентов, был Ключников. Осторожный же и своенравный Ключников сразу отвел «засветившуюся» грубым сотрудничеством с большевиками фигуру Солодовникова (был негласным секретарем военно-теоретического журнала «Война и мир») и выразил нежелание видеть вторым редактором сотрудничавшего с «Новым Миром» Дюшена.

Не желая обострения конфликта и сообразуясь с решениями ЦК, Крестинский уступил

Ключникову. Он отказался от Солодовникова, сделал соредактором Кирдецова и закрыл глаза на то, что практически эту должность занял ближайший товарищ Ключникова – Потехин. Выиграв в одном – обеспечении доверия к газете западной общественности, советский полпред проиграл в другом, а именно – в возможности беспрепятственно проводить нужную редакционную политику нового издания. Ключников явно играл свою партию. Похоже на то, что ему удалось сыграть на внутренних противоречиях двух советских внешнеполитических наркоматов – Иностранных дел, представителем которого был Крестинский, и – Внешней торговли, глава которого, Красин, первым начал финансировать сменовеховцев и претендовал на пальму первенства в реализации политики ЦК. Организация же нового издания под крылом наркомата Иностранных Дел – газеты «Накануне» – лишь накалила ситуацию.

Воспользовавшись вынужденным отсутствием Лукьянова и Дюшена (последнего – из за серьезной болезни жены) Ключников и Потехин уже в первых номерах новой газеты обыграли в нежелательном для Советов свете убийство В.Д. Набокова и покушение на П.Н. Милюкова (Набоков В.Д. – российский юрист, публицист, депутат 1-й Государственной думы, один из лидеров Конституционно-демократической партии, редактор «Вестника партии народной свободы», в 1917 г. – управляющий делами Временного правительства, активный участник антибольшевистского движения, белоэмигрант; Милюков П.Н. – российский историк, публицист, лидер конституционно-демократической партии, в 1917 г. – министр иностранных дел Временного правительства, белоэмигрант). Находившийся в это время в Москве на партсъезде Крестинский, утешал себя, в связи с этим, впоследствии мыслью о том, что «этими бестактными и неуместными выступлениями газета может быть приобрела себе некоторый кредит и репутацию независимой у правых кругов эмиграции ...» [2, д. 217, с. 27].

Между тем, 13 апреля, Политбюро, заслушав доклад зам. министра иностранных дел Л. Карахана о Генуе, приняло по его итогам постановление, где, в частности, говорилось: «... по-

слать следующую телеграмму т. Крестинскому: «Предложите редакциям коммунистических газет более энергично бороться против лживой буржуазной информации и поставить свою собственную информацию о событиях и речах в Генуе» [3, д. 288, лл. 2-3]. В том же постановлении говорилось, что ежедневный политический контроль за деятельностью прессы по освещению Генуэзской конференции возложен на Каменева и Троцкого. Причем, последним предлагалось сообщать в Секретариат ЦК копии всех распоряжений и указаний в этой области, «за исключением передаваемых устно» [3, д. 288, лл. 2-3]. Эти последние строки выдавали отсутствие в верхах единства в редакционной политике, а, следовательно, не давали полпреду полной ясности ни в самой этой политике, ни в вопросе выбора собственной линии поведения в складывавшейся обстановке. По своему возвращении он сделал все, чтобы добиться командировки Ключникова на освещение хода конференции в Геную в надежде выиграть время.

Однако, по окончании Генуэзской конференции, во время которой газету «ровно» вели Лукьянов и Дюшен, вернувшийся Ключников продолжил свою линию. Он наложил вето на публикацию ряда просоветских статей (по церковному вопросу) Дюшена и, даже своего ближайшего друга, Потехина (по существовавшему закону при протесте одного из редакторов материал не проходил.). Не дав редакции возможности солидаризироваться с политикой советской власти по низложению патриарха Тихона, аресту священников и изъятию церковных ценностей, сам Ключников поместил небольшую заметку / передовицей/ где осуждал эту политику и настаивал на необходимости добровольного /в отличие от ситуации с левыми эсерами/ заявления большевиков о неприменении смертной казни в отношении представителей церкви.

Отношения в редакции все больше накалялись. Ключников мотивировал свою позицию желанием оставить «Накануне» независимой политической газетой и тем самым иметь возможность вести полемику с политическими противниками как справа так и слева. Его упреки к оппонентам в непроверенности их сведений и корреспонденций сопровождалась прямыми

«укорами» на происхождение последних от советской разведки. Позиция Ключникова крайне раздражала Крестинского. Финансируя издание, полпред вполне естественно хотел иметь неограниченные возможности проведения собственной редакционной политики. Ключников же, не брезгуя получать деньги большевиков, всячески пытался сохранить имидж независимости и открыто заигрывал с правыми. Доходило до того, что в день, когда газету выпускал другой редактор и он не имел возможности легально помешать выходу того или иного материала, Ключников тайно его «выбрасывал» из уже сверстанного номера. Остальные участники издания ежедневно приходили к Крестинскому и Степанову с очередными жалобами на своего «главного» и требовали решительных действий по ограничению его полномочий.

Доведенному до крайности Крестинскому ничего не оставалось, как активно искать пути полной нейтрализации непокорного редактора. По его просьбе, находившийся тогда в Берлине К. Радек, предложил Ключникову поехать в качестве спецкора «Накануне» на освещение процесса по делу левых эсеров в Москву. Ключников неожиданно согласился, но заявил, что берет с собой Потехина. Обрадованные члены редакции отпустили обоих, не удержавшись однако от язвительного комментария. «Вы знаете, почему Ключников берет с собою Потехина? – иронически спрашивали они Крестинского, – Во-первых, потому, что он сам очень плохо и тяжело пишет; во-вторых, потому, что он никогда не свяжет себя определенным публичным выступлением по острому вопросу, выступлением, которое могло бы восстановить против него хотя бы некоторую часть эмиграции. Вы увидите, что он не напишет ни одной строки по делу с-р» ов.» [2, д. 217, лл. 28-29]. Лукьянов, Кирдецов и Дюшен оказались пророками. За два с половиной месяца пребывания в России Ключников и Потехин не написали по существу процесса ни одного слова. Из пяти статей, полученных от них редакцией «Накануне», четыре оказались фельетонами о дорожных впечатлениях в Прибалтике и вокруг нэповского быта, и одна – пространством описанием внешней картины суда с несколькими комплиментами в адрес его председателя – Г.А. Пятакова. Сообщая

об этом позже в ЦК как аргумент против Ключникова и Потехина, Крестинский недоумевал по поводу неопределенной позиции центрального руководства партии. «Когда Ключников и Потехин уезжали, – писал он, – я, кроме открытых рекомендательных писем, данных им на руки, написал членам Политбюро и т.т. Уншлихту и Карахану подробное письмо, в котором говорил, что командировка Ключникова и Потехина в Россию вызвана необходимостью изолировать их от газеты и дать ей возможность занять определенную политическую позицию. Я писал, что Ключникова и Потехина желательно задержать подольше в России, а еще лучше предоставить им там какие-либо почетные места, чтобы они добровольно согласились переехать из Берлина в Россию. Никаких возражений ни от ЦК, ни от отдельных членов Политбюро я тогда не получил и был вправе считать, что моя оценка личности Ключникова и его роли в газете Центральным Комитетом разделяется» [2, д. 217, л.29].

Неуверенность Крестинского в позиции ЦК имела под собой основание. Он чувствовал, что его оппоненты имеют в Москве весьма влиятельную поддержку, но не знал – чью конкретно и не мог понять логики событий. Оставшиеся под его руководством «накануниевцы», сделали все возможное для «полноценного» освещения процесса через специально посланных двух других корреспондентов – Герронского и Борисова. Правильность избранной ими линии подтверждалась, по мнению Крестинского тем, что замечание Герронского и Борисова о «неакадемичности» решений советского суда в отношении левых эсеров вызвало негативную реакцию «Правды». «Если даже такая постановка вопроса вызвала резкое осуждение «Правды», – писал он, – то я вправе был считать, что ЦК желает видеть на страницах «Накануне» статьи определенного просоветского, хотя отнюдь не коммунистического характера. А такого рода направление газеты могло быть обеспечено лишь устранением Ключникова или низведением его и Потехина до роли меньшинства в редакции» [2, д. 217, л.29].

Надежда на возможность реализации собственной линии возникла лишь тогда когда по партийным каналам до Крестинского дошла ин-

формация о том, что на Политбюро рассматривался вопрос о работе Ключникова в Советской России. 8 июня Политбюро в составе Каменева, Сталина, Троцкого, Рыкова, Зиновьева и Калинина при участии К. Радека обсуждало вопрос официально означенный титрами: «О предложении Ключникова издавать «Ниву» (Калинин М.И. в это время был кандидатом в члены Политбюро). Представлял материал Троцкий. Итогом обсуждения стало постановление: «Поручить т.т. Мещерякову и Шмидту О.Ю. в случае, если Ключников поднимет вопрос об издании «Нивы», вести с ним переговоры, держа в курсе Политбюро» [3, д.296, л.4]. 22 июня вопрос вторично обсуждался членами Политбюро уже по представлению всего материала исполнителем – Мещеряковым. Из протокола заседания следовало, что делу придается организационно-практический характер. Решением Политбюро Мещерякову была поручена формально-юридическая, а Шмидту – хозяйственно-финансовая («с обеспечением интересов Республики») организация издания. На подготовку проекта договора отводилась лишь неделя, а на представление первого номера в типографию – две. Вопрос о роли Ключникова и Потехина в организуемом издании решался более чем определенно. Специальный пункт постановления гласил: «Согласиться с тем, чтобы ответственным редактором «Нивы» был Ключников, с совещательной коллегией при нем с участием коммуниста» [3, д. 299, л.4].

Вся эта информация в совокупности с письмами Ключникова и Потехина семьям и некоторым членам редакции, подтверждавшими эти сведения, давала надежду на благополучное избавление от неудобных соредкторов цивилизованным путем. Тем более, что решением ЦК о «передаче» «Накануне» акционерному обществу (с главным акционером в лице ЦК РКП(б), естественно анонимно), представлялся удобный случай проведения всей операции на «законной» основе. Дело в том, что по существовавшим немецким законам, в момент организации акционерного общества его физические учредители должны были быть налицо, т.е. в Германии, а распорядители (пусть даже формальные) избирались исключительно из учредителей. Вос-

пользовавшись этим нюансом и отсутствием Ключникова и Потехина в стране, Крестинский «сделал» временными директорами – распорядителями Дюшена и Садыкера, вполне его устраивавших. Причем «временность» их должностей (по закону до первого собрания акционеров) его нисколько не пугала, поскольку тот же закон не оставлял бывшим соредкторам в случае их возвращения никаких шансов на первые роли. Закрепить свой успех полпред решил обоснованием своей кадровой и редакционной политики в прямом обращении в Политбюро, потановление заседания которого от 10 августа 1922 г. было лаконичным, но определенным: «Издание газеты не прекращать» [3, д. 306, л.2].

Тем временем, вопрос с изданием «Нивы» завис и начал по непонятным причинам «буксовать». «Левый» блок руководства (думается не без участия Троцкого и Радека), осуществив верный тактический ход и выиграв время, стал спускать дело «на тормозах». 17 августа, т.е. более, чем через три недели после решения о напечатании первого номера журнала в двухнедельный срок, Политбюро по представлению О.Ю. Шмидта вновь рассматривает вопрос «Об издании Нивы» и принимает постановление о создании для его решения специальной комиссии в составе Каменева, Троцкого, Шмидта и Воронского. Задача, поставленная перед комиссией выдавала неопределенный характер ее будущих занятий: «... обсудить вопрос о возможности издания «Нивы» или другого какого нибудь журнала аналогичного характера» [3, д. 308, л.5].

Узнав об этом, а также ошеломившую весть о «вероломстве» полпреда, Ключников и Потехин (и опять же не без поддержки кого-то из членов ЦК) перешли в запоздавшее, более похожее на шаг отчаяния, наступление. 17 августа 1922 г. московские «Известия» опубликовали их интервью с обвинением редакции «Накануне» в полевении и превращении в «подделку под коммунистический орган» [2, д. 217, лл. 42-43]. Кроме того, в Берлин было отправлено заявление Ключникова и Потехина в том же духе. Этот поход за «чистоту идеи» истинных организаторов издания, по сути дела, расставил все по местам. С одной стороны, он широко «засветил»

сотрудничество сменевеховцев с Советами, а, с другой – за всей этой историей явственно проступили «ослиные уши» групповой борьбы весьма не идейного содержания. Теоретические споры вокруг вопроса о том, на какие круги эмиграции в конечном счете нацелена акция, в большей степени серьезно воспринимались с этого момента лишь коммунистом до мозга костей – Н. Крестинским. (И то, с большой натяжкой, ибо Николай Николаевич сам был лицом заинтересованным: что скажут в Москве о приютившемся под его крылом откровенно правом издании, выпускаемом на деньги партии?.) В одном из писем ЦК РКП(б) он развил по этому поводу целый меморандум, который стоит привести полностью.

Не соглашаясь с обвинением в «полевении» «родного» издания, полпред писал: «Газета оставалась и остается такою, какою она была в течение всех пяти месяцев своего существования, за исключением немногих недель фактического участия в ней Ключникова. И во всяком случае такой, какою она была в течение июня, июля и августа, когда она отнюдь не вызывала со стороны ЦК обвинения в излишней левизне. Если Вы сравните номера газеты до рокового (17 августа – А.К.) дня и последнего, то вы никакой разницы в газете не найдете. Уязвленный Ключников, желая восстановить свое участие в газете, и даже приобрести в ней руководящую роль, говорит об этом несуществующем поведении и пугает тем, что это мнимое полевение замедлит процесс расслоения эмиграции и оттолкнет нейтральных. Из кого состоит эмиграция? и какие элементы нам важно привлечь? Эмиграция состоит из небольшого количества политических руководителей /военных, администраторов, политиков и журналистов/ и значительного количества обывательской буржуазии и буржуазной интеллигенции /промышленников, купцов, врачей, инженеров, адвокатов и т.п./ и из главной массы мелкоты, насильственно уведенной в порядке мобилизации и принудительной эвакуации, или самостоятельно потянувшейся за отступавшими белыми. Средняя группа, поскольку она не устроилась за-границей материально и поскольку в России нэп вновь открывает для нея возможность зарабатывать и жить, сама

тянется в Россию, и нам приходится и здесь и в Москве очень строго фильтровать ее. Что касается последней категории, то она представляет для нас главный интерес: в нее входят казаки, частью другие врангелевцы, всякая интеллигентская, студенческая и отчасти офицерская молодежь. Их нам важно привлечь, пробудить в них активную симпатию к совласти и активное желание вернуться в Россию. Этого можно добиться двумя средствами: решительной, резкой борьбой с белой идеологией и белыми вождями – это первое, и второе – добросовестным дружеским информированием о том, что делается сейчас в России. Этого не хотел делать Ключников и это очень добросовестно и честно делали нынешние накануневцы. Ими была проведена под руководством и наблюдением тов. Степанова энергичная кампания за возвращение казаков. Результаты налицо: Казаки собираются домой, за реэвакуацию их взялся Нансен, в этом ему помогают, между прочим, и накануневцы /Лукьянов едет в составе его комиссии в качестве представителя русск. Красного Креста/, и Врангель лишается одного из главных источников своей живой силы. Теперь на очереди работа над остальными находящимися на Балканах во Франции и в Северной Африке врангелевцами, и как раз на Балканах и во Франции растет тираж «Накануне».

Этим путем, лишением массовой базы, можно привлечь на работу к нам и тех из эмигрантов из первой категории – вождей -, которые не являются еще совершенно безнадежными. Ключников же думает, что ему удастся спропагандировать, если он будет вести полемику в белых перчатках, и привлечь к нам Милюкова, Маклакова, Мандельштама и разн. белых генералов; он прямо говорил Устинову и Бродовскому, что основной задачей сменевеховской заграничной газеты является привлечение именно этих эмигрантских верхов – «интеллигенции», как говорит он (Устинов и Бродовский – сотрудники советского посольства в Германии). Что же касается демократической массы эмиграции, то она его не интересует. В этом расхожусь с ним не только я и нынешняя редакция «Накануне», но и тов. Степанов, который считает ударной задачей настоящего момента, когда получают

вые сведения о военных приготовлениях Румынии и Сербии спешную обработку в советском духе и легальными / через «Накануне» / и нелегальными путями обработать интернированные белые солдатские массы.

Отказываясь от этой насущной и очередной задачи, Ключников не достигнет, конечно, и своей основной цели. Самовлюбленный Ключников не замечает, как к нему относится Милюков и др. идеологи белой эмиграции. Они относятся к нему враждебно, без всякого уважения, как к выскочке, как к человеку без всякого общественного прошлого, лишь в период гражданской войны сумевшего сделать свою короткую карьеру, целиком относящуюся уже к прошлому карьеру» [2, д. 217, л.30, 31].

Слова Крестинского о «прошлой карьере» Ключникова имели, помимо основного и другой, вполне реальный, связанный с «Накануне», смысл. Дело в том, что, использовав все то же «злое» интервью своих, загостившихся в Москве, коллег, и, с активно-молчаливой поддержки Крестинского, оставшиеся члены редакции приняли и опубликовали в Г 114 «Накануне» (23 августа) решение о исключении Ключникова и Потехина из состава сотрудников газеты. Сообщив об этом в ЦК, Крестинский ждал утвердительной реакции Москвы. Победа, казалось, была полной, а цель достигнутой. Но судьба готовила новый поворот событий. Сторону опальных редакторов неожиданно активно принял Сталин. По его предложению, собравшееся 31 августа 1922 г., малое заседание Политбюро приняло постановление, копия которого в тот же день легла на стол Крестинского: «ЦК считает, что полевение «Накануне» является минусом для нас, ибо оно замедляет процесс расхождения эмиграции, отталкивает нейтральных, а самую газету превращает в подделку под коморган. 2. ЦК предлагает вмешаться в дело в пользу группы Ключникова – Потехина, обеспечить последней преобладание в газете либо в порядке соглашения между обеими группами, либо, если этот путь окажется неосуществимым, – в порядке принудительной отставки всей группы левых. Секретарь ЦК» [3, д.311, л.17]. Очевидно, что позиция Сталина не вызвала однозначного одобрения и вопрос спустя семь дней обсуждался

вторично в присутствии Троцкого и Радека. Однако решение осталось прежним: Политбюро постановило «принять предложение т. Сталина» [3, д.311, л. 5].

Для того, чтобы смягчить, по возможности, негативную реакцию части проклячниковски настроенных членов ЦК, а, главное, отвести удар от себя, Крестинский поспешил «откреститься» акции своих подопечных по исключению бывших коллег и представил ее как стихийно-самостоятельную реакцию редакции на выпад Ключникова и Потехина. «Кирдецов, Лукьянов, Чахотин, Дюшен и на этот раз даже Садыкер в полном согласии с гр. Толстым, проф. Швиттау и другими ближайшими работниками газеты поставили меня – оправдывался в письме от 9/IX-1922 г. полпред, – перед фактом, поместив в газете известное вам заявление и передовицу и придя ко мне с отпечатанным уже и выпущенным в обращение номером. Поступили они, конечно не лояльно. Если бы они принесли ко мне накануне, я бы не допустил этого, заставил бы их дожидаться приезда Ключникова и Потехина и здесь потребовать от них отчета об их деятельности в России и объяснения их выступления в «Известиях». Тогда бы позиция нынешних редакторов «Накануне» тактически была бы гораздо сильнее, и по отношению к нам они были бы вполне лояльны. За свой поступок они заслуживают всяческого осуждения и призыва к порядку. Но это не значит, что не правы по существу» [2, д. 217, л.30]. «Чрезвычайно показательно в этом отношении, продолжает Крестинский, – что ни одна заграничная белая газета ничем не отзывалась на исключение Ключникова и Потехина из состава ред. «Накануне». Если Милюков когда-нибудь и откажется от своей борьбы с совластью, то он придет на работу непосредственно к нам, а не к сменовеховцам, и во всяком случае не к Ключникову» [2, д. 217, л.32].

В своем стремлении оправдать действия своих подопечных, а попутно и свою позицию, Николай Николаевич решил дать членам ЦК ряд минихарактеристик представителям обеих группировок.

«Группа Ключникова, начал он, – состоит их двух человек – Ключникова и Потехина. Потехин персонально и политически порядочный

человек, но очень умеренный, очень боязливый и находящийся под исключительным влиянием Ключникова. Поэтому о нем как о самостоятельной величине, говорить не приходится. О Ключникове в разных местах моего письма было сказано уже много. Это не искренний, льстивый интриган, человек без всяких убеждений, но с огромным самолюбием и честолюбием и довольно большой волей; при этом очень слабый журналист. ...

Переходим к другой группе. ...

Редакция «Накануне» (автор имеет ввиду полностью подконтрольных ему, находившихся в Берлине, членов редакции – А.К.) – не претендовала и не претендует на то, чтобы быть коммунистической или полуккоммунистической газетой. Они представляют из себя радикально-демократическую газету, орган революционной мелкой буржуазии, несколько левее существовавших когда-то в дореволюционную эпоху товарищей «Нашей жизни», но при этом, конечно, они как и руководители той газеты, не считают себя мелко-буржуазными революционерами, а искренно считают себя защитниками интересов трудящихся масс, в том числе и пролетариата. Некоторые из них, наиболее молодые и искренние, революционно-настроенные вроде Лукьянова, может быть и станут когда-нибудь коммунистами, но в общем и целом для позиции газеты наиболее характерны революционно-демократические статьи ее постоянного сотрудника /не редактора/ Бобрищева-Пушкина. В частности Вы, может быть, обратили внимание на его статью о процессуальной стороне процесса с.-р., где он с фактами классовой юстиции в политических процессах в России и Западной Европе доказывает, что не было еще нигде политических процессов с большими процессуальными гарантиями для подсудимых, чем их было в процессе с.-р.

... Можно ли полагаться персонально на их порядочность и преданность нам?

Лукьянов – человек с буржуазной личной репутацией, с самого приезда в Берлин непрерывно находится в контакте с тов. Степановым, оказывает ему ряд услуг и по его указанию ведет в газете ряд политических кампаний /антиврангелевскую, казачью и др./.

Дюшен, когда-то один из организаторов Ярославского восстания, еще в 19 году начал издавать в Ревеле газету «Свобода России», принявшую определенную советскую физиономию. Издавал ее без всякой нашей субсидии, и только когда она была закрыта Эстправительством, а сам он был выслан из Эстонии, он получил от тов. Гуковского поддержку. В Берлине он был еще до меня секретарем редакции «Н. Мира», является сотрудником нашего журнала «Война и Мир» /статьи по радиологии/ и помогает тов. Степанову в покупке и приемке наиболее тонких и сложных радиоаппаратов для военного ведомства. Ведет большую культурную работу среди демократических слоев эмиграции.

Кирдецов, бывш. в свое время руководителем политической агитации у Юденича, при наступлении последнего на Петроград, потом проделал эволюцию, отразившуюся в его открытой публицистической деятельности /газеты «Рассвет» и «Свобода России»/ задолго до привлечения его нами в газету «Накануне».

Я не стану особенно защищать моральную физиономию Бобрищева-Пушкина, бывш. когда-то очень правым и очень неустойчивым политиком, Вы в течение двух лет читали его статьи и фельетоны в «Новом Мире» и «Накануне» за подписью «Не коммунист» и его полной подписью, и, конечно, после этой определенной двухлетней работы для него нет отступления в другой лагерь: его просто не примут.

Чухотин – не крупный человек и производит очень приличное впечатление.

Садыкера хорошо знает тов. Уншлихт, ибо когда-то работал в Центропланбеже и при эвакуации Украины остался там. Тем не менее он производит сносное впечатление. Он очень скромный человек и большой роли не играет. Он техническо-административный работник в редакции.

При таком составе редакционно-издательской группы /и при наличии у нас большинства акций/ можно быть уверенным в том, что газета будет добросовестно, а в большинстве своих работников и совершенно искренно выполнять наши задания – как в отношении содержания газеты, так и в отношении ее тона.

С литературной точки зрения эта группа, конечно, выше. Кирдецов – старый опытный журналист, Дюшен – талантливый, темпераментный человек. Лукьянов пишет искренно, у него есть незатасканные мысли, он, во всяком случае, не хуже Ключникова и Потехина.

С точки зрения солидности редакторов /их ученого и общественного стажа/ новоиспеченный проф. филолог Лукьянов и такой же молодой профессор биолог Чахотин несколько не уступают малоизвестному юристу /вероятно тоже из бывш. прив.-доцентов/ Ключникову. А литератор Кирдецов или гр. А. Толстой, конечно, крупнее чем литератор Ключников» [2, д. 217, лл. 31-33].

Аргументы советского полпреда, его апелляции к темному прошлому, сомнительному настоящему, политической ненадежности и литературной бездарности своих оппонентов не возымели должного воздействия. К удивлению Крестинского Ключников и Потехин вернулись в Германию. На вокзале прибывшие не подали руки встречающему их члену редакции Садыкеру и повели себя так, как будто знали о решении ЦК в их пользу: ультимативно потребовали напечатания в «Накануне» своей контрдекларации с последующим закрытием или передачей газеты в их руки.

Однако, сделав однажды выбор, Крестинский также решил идти напролом. Выводы его послания в ЦК были хотя и не лишены некоторой гибкости, но и не менее категоричными, чем позиция бывших соредакторов: «Понятно, что при таком ультимативном требовании, какое быто ни было соглашение не возможно уже не по вине левых, а по вине правых; при создавшихся сейчас отношениях ... совместная работа групп абсолютно невозможна; правильным исходом из содавшегося положения ... представлялось бы: 1/ оставить газету в руках нынешней редакции, обязав ее напечатать письма Ключникова и Потехина, или интервью с ними, если в этом письме или интервью не будет содержаться ничего направленного лично против членов нынешней редакции и во 2/ удовлетворить уезжающих в Россию Ключникова и Потехина, дав им возможность руководить там какой-либо газетой, лучше журналом, это последнее к тому же им, кажется, и обещали» [2, д. 217, лл. 31-33].

Представив решение об отъезде Ключникова и Потехина в Россию, как вопрос решенный и единственно дающий возможность сохранить как газету так и «спевшуюся группу преданных нам работников» [2, д. 217, лл. 31-33], Крестинский решился на предьявление козырной карты – изложение личных мотивов позиции Советского Полпреда. «После того, – писал он, – как нынешняя редакция публично отмежевалась от Ключникова и Потехина возврат последних и притом, не на руководящую роль, может быть понята и объяснена всеми во вне только как исполнение приказа из Москвы. ... Не говорю уже о том, что лично у меня создилось бы очень неприятное положение в новой газете. И прежде Ключников с большой, хотя и скрываемой, враждебностью относился к тому факту, что мне приходилось иногда делать газете указания. Теперь же он будет толковать, что его уклон вправо и отказ от всякой борьбы с правыми санкционирован Центральным комитетом, будет игнорировать мои указания и вообще очень мало считаться с представительством.

Общение с Ключниковым и Потехиным в роли редакторов газеты будет, – входил в русло привычных адресатам коллективных установок, – полпред, – для нас тем затруднительнее, что мое отношение к ним разделяют и все руководящие работники представительства – т.т. Бродовский, Устинов, Степанов. Для всех нас ясно, что мы будем лишены возможности контролировать газету и нести за нее какую-либо ответственность.

Мне кажется, что принимая свое решение, ЦК не вполне представлял себе здешнюю обстановку и последствия, вытекающие из этого решения, и только поэтому я позволил себе написать такое длинное письмо» [2, д. 217, лл. 31-33].

В то время, как письмо Крестинского каналами совдиппочты следовало в Москву, его главные «герои» нанесли автору двухдневный визит в чудном курортном городке Киссингене. Случилось это 12 сентября. «Долгий, в дружеских тонах разговор» [2, д. 217, л. 35] убедил полпреда в верности хода своих мыслей и избранной тактики. Почувствовав неожиданно отсутствие былой самоуверенности своих оппонентов, он тут же решил развить успех и сделал это в классическом аппаратно-гэпэушном стиле: их ответы

на ряд «тонко» поставленных вопросов были тщательно запротоколированы и легли в основу нового послания в Москву, ушедшего через три дня после встречи сторон и которое тоже имеет смысл привести по возможности полно:

«Я спрашивал их, почему они ничего не писали из России о процессе с-р. (эсеров – А.К.)? ... – сообщал полпред, – ... они отвечали, что с момента вызова Ключникова в качестве свидетеля не только он не мог посылать корреспонденций, но и Потехин, так как это могло бы произвести за границей впечатление чрезвычайного прислужничанья с их стороны: один, дескать, напросился в свидетели, чтобы топить с-р, а другой шлет об этом корреспонденции. ... Из этого ответа Вы видите, что боязнь произвести чуть-чуть неблагоприятное впечатление на правые круги эмиграции настолько сильна у Ключникова и Потехина, что она пересиливает сознание своего долга перед Советской Республикой и толкает на длительное молчание в такое тяжелое время, когда молчание их не может не быть истолковано крайне вредно для Совпра (Совпра – сокращенное от «Советское правительство»).

Я перешел затем к возможному будущему и спросил, как бы они поступили в дальнейшем в трех вопросах:

а/ в церковном вопросе,

б/ в вопросе об условном расстреле с-р» ов и

в/ об арестах и высылках оппозиционной интеллигенции в России.

Если Вы будете, сказал я им, объяснять и защищать эти мероприятия Совпра /а я уверен, что Вы, как сторонники сильной власти их разделяете/, то Вы, конечно, не приблизите к себе, а оттолкнете от себя Милюкова, Мандельштама, Гронского, Литовцева и др., столь дорогих Вам представителей левого крыла кадетской партии. Если же Вы для привлечения их к себе будете проявлять в этих вопросах оппозиционность по отношению к Совпра и критиковать его действия, то Вы тем самым оттолкнете от Совпра те круги эмиграции демократические по своему прошлому, которые готовы вполне примириться с Советской Властью.

Ключников сказал, что моя постановка вопроса вызывает с его стороны вопрос, что желает иметь Совпра, «Новый Мир», издаваемый лишь

под другим заглавием и другой группой людей, или независимую сменовеховскую газету. Если газета будет «Н. Миром», т.е. будет защищать все мероприятия Совпра, то, кто бы ни стоял во главе ее, она очень скоро утратит влияние. Если же газета будет позволять себе иметь свое собственное суждение по различным мероприятиям правительства, иногда иное, чем мнение Совпра, то с газетой будут считаться, как с независимым демократическим органом, и в такой орган могут без большой внутренней ломки и без страха за свою политическую репутацию (смогут) переходить сотрудники «Посл. Новостей» и подобные им элементы эмиграции («Последние новости» – издание, возглавлявшееся П.Н. Милюковым).

Ключников предпочитает издавать газету, несколько левее «Посл. Новостей» и не вполне советскую. Таким путем вокруг этой газеты соберется, как он думает, и некоторая интеллигентско-литераторская группа и те массовые элементы из эмиграции, которые, будучи склонны к приятию Сов. Власти, будут в то же время солидарны с «Накануне» в критике отдельных мероприятий этой Власти.

По моему же, это означало бы, что мы за наш счет создаем за границей, а стало быть и в России оппозиционную по отношению к Совпра буржуазно-демократическую партию с руководящим штабом, газеты и даже массы, которая при ином ведении газеты давно целиком перешла бы на нашу сторону. От того, что в этой партии /в ея ЦК и в редакции ея газеты/ рядом с Ключниковым и Потехиным будут Милюков и его соратники, для нас никакой пользы нет, а только один вред. Правда, Ключников повторяет на каждом шагу, что никакой партии создавать не хотят, что они, пожалуй, гораздо ближе к нам, чем нынешняя редакция «Накануне» и что их способ ведения газеты является только тактическим приемом. Но логика событий сильнее желаний людей, и если бы даже Ключников говорил вполне искренно /чему я не верю/, то все равно получился бы тот результат, о котором я писал выше» [2, д. 217, лл. 35-36].

Дальше разговор пошел по малопонятным неискушенному человеку тропам политических диалогов тридцатых годов. Вопрос Крестинско-

го о том, кто будет руководить газетой в случае перехода ее к ним (ведь собираются же ехать в Россию для руководства «Новой Нивой» – А.К.), по всей вероятности застал оппонентов врасплох. Их «твердая» уверенность в возможности без труда в течении одного – двух месяцев сколотить новую литературную группу, дала трещину после спокойной и резонной просьбы полпреда назвать возможные персоналии. Выяснилось, что кроме «крайне правого сменовеховца» Устрялова, жившего в Харбине, не принимавшего участия в финансируемых большевиками европейских изданиях и сразу же, на этой почве, «убедительно» отведенного Крестинским, они смогли назвать лишь парижского сотрудника «Накануне» – Ф. Кудрявцева. «Это, – писал в новом послании в ЦК Крестинский, – конечно, еще менее деловое предложение. Кудрявцева я лично знаю. ... Если Устрялов не подходит политически, то Кудрявцев не годится как редактор с чисто технической точки зрения, не говоря уже о том, что он, по видимому, не проделал в своей эволюции того пути, который проделали другие сменовеховцы, и не сжег еще всех своих кораблей» [2, д. 217, л. 36]. Характеристика, данная полпредом этому случайному персонажу развернувшейся политической комедии, более говорит о ее авторе, чем о виновнике опуса: «Это человек с большими фактичекими знаниями в области прошлой и нынешней мировой политики ... но ... без широкого политического горизонта, без журналистского темперамента и любящий сам писать очень много и длинно. Эти качества делают его негодным редактором. Да он таким никогда и не был» [2, д. 217, л. 36]. Заканчивался этот противоречивый и странный опыт политической характеристики не менее странным, в данном контексте, выводом, что если решение ЦК (о поддержке Ключникова и Потехина) останется в силе, то альтернатив остается всего две, причем одна хуже другой: «или К.[лючников] и П.[отехин] остаются за границей и создают оппозиционную сменовеховскую (? – А.К.) партию, или они уезжают, как это до сих пор решено ими, в Россию, и тогда газета прекращается за неимением руководителя» [2, д. 217, л. 36].

Трудно поверить, что Николай Николаевич, (в прошлом секретарь ЦК РКП(б), ближайший

соратник Ленина, Наркомфин) сам верил в то, что писал. Скорее всего, наоборот, освоив в совершенстве аппаратные игры, в своем послании он совершал некий ритуальный обряд заклинания всемогущего ЦК на предмет симпатии и помощи в затянувшейся склоке.

Со стороны, ситуация выглядела действительно более чем странно. Идея – создание просоветского сменовеховского издания – была взаимнопринятой. В силу этого, нюансы редакционной политики, имели вполне определенные (как сказали бы тогда – «известные») границы. Откуда же такая непримиримость? Взаимные обвинения друг друга на страницах печати, жалобы в Центральный Комитет РКП(б) Наконец, театральный приезд Ключникова и Потехина в Германию, ультиматум о передаче газеты им или ее закрытии одновременно с намерением уехать на работу в Россию.

Если позицию Крестинского еще и можно с натяжкой объяснить чисто филантропической, идейной ревностью к своему детищу, то как быть с идейным переворотом его оппонентов. Неужели так скоро и так сильно захватила их идея привлечь, по возможности более правые круги эмиграции, на сторону Советов? Захватила «без остатка»?!

Или все таки деньги Главного Акционера (читай ЦК РКП(б))!? Ответить на этот вопрос с полной определенностью сложно, однако логика последующих событий дает основания для размышлений в утвердительной форме.

Во время визита в Киссингене Ключников и Потехин заботились не о возвращении в «Накануне». Это было в сложившихся условиях нереально. Более реальной была надежда на возможность издательской деятельности в Москве (вопрос находился на контроле комиссии Политбюро). Заботило их другое – успех собственного издания («Новой Нивы») зависел в значительной степени от сохранения заявленного имиджа. Скандал, поднятый вокруг «Накануне», был нужен для того, чтобы «отмыть» собственные имена в глазах тех эмигрантских и прочих кругов, которые должны были стать потенциальными читателями нового издания. Реализация последнего решения Политбюро в заявленном там варианте не соответствовала их личным ин-

тересам (иначе зачем весь этот шум с организацией «Новой Нивы»?). Кроме того, как человек неглупый и реалист, Ключников интуитивно чувствовал отсутствие серьезной поддержки, не без основания полагая ее временность, и что за всем этим скрывается обычная групповая склока в самом партийном руководстве, «природно-коммунистический» настрой которого рано или поздно возьмет верх. После первых резких заявлений, суть его предложения Крестинскому свелась к театрально-формальному закрытию «Накануне», как совместно начатому изданию, с ее последующим возобновлением под другим заглавием. Вся эта процедура должна была, по мысли Ключникова, сопровождаться публикацией совместного (враждующих групп) заявления с изложением причин конфликта и закрытия старого издания. С точки зрения Ключникова, найденный выход был предельно прост и давал возможность обеим сторонам остаться при своих интересах. Памятуя о решении Политбюро и резонно предвидя возможность негативной реакции Москвы, он даже предложил Крестинскому не запрашивать ее согласия на новый вариант решения проблемы. Но, думается, здесь он несколько переоценил возможности и недооценил аппаратный опыт полпреда. Уже 16/IX в ЦК РКП(б) ушло письмо с подробнейшим сообщением всего разговора, где предложение Ключникова было тонко повернуто против него самого. «Когда я им сказал, что я должен запросить Москву, – писал Крестинский, – они убеждали меня этого не делать. Они видели, что я в интересах мира готов пойти им на уступки в вопросе о названии, и боятся, что Москва на это не пойдет. Я же не решаюсь взять это на себя потому, что есть противоположное, более благоприятное для К[лючникова] и П[отехина] решение ЦК. Я не знаю еще отношения нынешней редакции к вопросу о названии. Я сам пошел бы на изменение названия /напр. «Новая Россия»/, но при двух условиях: 1/ если бы новая газета сохранила двойную нумерацию и тем самым для каждого, даже нового читателя являлась бы не сегодня возникшей газетой, а предприятием, имеющим уже шестимесячный политический стаж, и 2/ если бы Ключников и Потехин, оговоривши в общем заявлении, что они выходят из редакции

и никакой ответственности впредь за газету в целом не несут, сказали бы в то же время, что газета даже в нынешнем ее виде является наиболее близкой им из всех заграничных русских газет и что, поэтому, они и впредь будут помещать в ней свои статьи. Тогда мы сохранили бы в списке сотрудников Ключникова и Потехина, сохранили бы приобретенную уже за полгода репутацию и в то же время имели бы редакцию из общественных деятелей – не – коммунистов, которые не за страх, а за совесть будут защищать все мероприятия советской власти» [2, д. 217, л. 37].

Дальнейший ход мысли полпреда не был окрашен изяществом византийской интриги. Сообщив, что 19 сентября его оппоненты читают в Берлине доклад «Россия сегодня», он отметил их желание ликвидировать конфликт до этого срока с тем, «чтобы иметь возможность на самом докладе сказать окончательно, что они не разочаровались в России, а очарованы ею и что они немедленно едут туда для органической работы на благо нынешней России. – Это они могут сказать только тогда, если решен будет окончательно вопрос о том, что они не остаются за границей для ведения газеты» [2, д. 217, лл. 37-38]. Для большей убедительности в необходимости быстрее принятия решения автор добавлял, что на докладе Ключников и Потехин ожидают вопросов по поводу их ухода из «Накануне» и хотели бы дать определенный и согласованный с Москвой и коллективом редакции ответ. Венчало послание выражение готовности «надавить на нынешнюю редакцию, в смысле изменения названия газеты» и уполномочить Бродовского и Устинова согласовать текст совместного заявления в случае получения положительного ответа ЦК о пересмотре прежнего решения о «Накануне» [2, д. 217, л. 38].

Наступательный и довольно уверенный тон письма Крестинского не был случайностью. В Берлине он получил письмо от Бухарина, который, будучи в курсе дела, (читал письмо от 9/IX-1922 г.), писал, что поддерживает позицию Крестинского и обещал по приезду в Москву поставить вопрос в ЦК. Думается, были и другие источники, обещавшие «перемену ветра» в высших инстанциях. Вполне возможно, что определенно-положительную для Крестинско-

го роль сыграл в этих событиях Ленин. (Старое личное знакомство, долгая работа в Секретариате ЦК РКП(б)?). В том, что последний был в курсе дела сомнений нет. Копии всех своих писем в ЦК РКП(б) Крестинский стандартно рассылал Сталину, Ленину, Троцкому, Каменеву, Зиновьеву, Рыкову, Томскому, Радеку, Бухарину, Уншлихту и Чичерину. 13 сентября Ленин получил из секретариата СНК протокол заседания Политбюро Г 25 от 7 сентября, того самого, на котором было принято предложение Сталина о решении вопроса в пользу Ключникова и Потехина. Помимо протокола на стол Председателя СНК лег и отдельный пакет от Сталина, где также могли быть документы и его собственное обоснование принятого по «Накануне» решения. 19 сентября Ленин беседовал со Сталиным и Красиным. Оба собеседника были в курсе дела и разговор также вполне мог коснуться «Накануне» [4, д. 142, л. 119]. И, наконец, 20 сентября, Ленин лично просматривал присланные ему из Секретариата ЦК РКП(б) материалы к заседанию Политбюро намеченному на 21 сентября и обратил особое внимание на новое предложение Сталина по вопросу о «Накануне» [2, д.54, лл. 17-20], [5, д. 9, л.30/об.]. Что стало причиной этого нового предложения генсека? Не беседа ли с Лениным 19 сентября? И почему Ленин просматривает материалы накануне заседания Политбюро, в повестке дня которого вновь стоит вопрос о «Накануне» и особо выделяет связанные с ним материалы? Кто, из членов Политбюро еще мог поддержать Крестинского в затянувшейся тяжбе?

Однозначно ответить трудно, но уже 21 сентября Политбюро в составе Рыкова, Томского, Зиновьева Каменева, Молотова и Сталина при участии Радека и Дзержинского вновь обсуждало вопрос о «Накануне» в свете писем Крестинского и утвердило новое предложение генсека. «Политически – гласило принятое решение, ЦК считает минусом потерю Ключникова и Потехина для «Накануне», тем не менее ввиду непреодолимых препятствий к возвращению их в редакцию «Накануне», установленных в письме т. Крестинского, Политбюро не настаивает на своем решении и оставляет создавшееся положение без изменений. Вместе с тем Политбюро

предлагает т. Крестинскому принять все меры к тому, чтобы впредь ЦК не ставился перед фактом серьезных изменений в составе редакции «Накануне»» [3, д. 313, л. 5, 11].

Дальнейшее развитие событий можно было легко представить. Ободренный полпред по всем правилам военного искусства стремительно развивал успех. При его поддержке редакция «Накануне» категорически отказалась изменять название газеты «без прямого предписания «главного акционера» [2, д.217, л. 39]. В качестве главного аргумента своей позиции члены редакции выдвинули утверждение, что изменение названия равносильно коммерческому самоубийству газеты, а, главное – приведет к потере вложенных в нее материальных средств (здесь чувствуется рука Крестинского – старый аппаратчик знал куда бить). Продолжавших сопротивляться Ключникова и Потехина Крестинский пригласил к себе, видимо, показал им решение Политбюро и, посеяв в душах уныние, объяснил свою позицию и дал время подумать. Затем полпред проделал ту же операцию с членами редакции, естественно однако, что с прямо противоположным знаком – вселив в них уверенность в благополучном исходе дела. И, наконец, как истинный представитель восточной политики, решил разбить тандем непокорных оппонентов вызовом каждого из них для беседы сугубо личной, в чем и преуспел. Позиция Потехина, как «наиболее слабого звена», была сломлена, Ключников остался один, а «один, – как гласит старая русская пословица, – в поле не воин». Понимал это Ключников, понимал это и Крестинский, назначивший на 28 сентября «генеральное сражение» противоборствующих сторон у себя в кабинете.

Утром решающего дня (28 сентября) в Москву, по все тем же адресам, полетело новое письмо. «После того, – сообщал Крестинский, – как ЦК санкционировал сохранение нынешней редакции, я не считаю необходимым и возможным настаивать на изменении заглавия газеты. Я шел на эту уступку Ключникову, думая таким образом мирным путем получить его отказ от притязаний на газету, но я и тогда понимал и откровенно ему высказывал, что это обозначало бы в его личных интересах сильно вредить обще-

ственным делу. Сейчас же я определенно сказал ему при разговоре, что не буду поддерживать этого его требования. Во время моих разговоров уже здесь в Берлине выяснилось следующее. Нынешняя редакция готова дать Ключникову и Потехину любое удовлетворение как в форме помещения их или совместной декларации, так и в форме обмена неопубликуемыми письмами. Вообще, раз не угрожает перемена названия и не будет, таким образом, нанесено ущерба газете, они готовы идти очень далеко навстречу. Потехин, расходясь с Ключниковым, считает, что его вполне удовлетворяет газета в том виде, как она ведется в последние три недели, он считает вредным для газеты перемену названия и поэтому не будет настаивать на этом, готов продолжать сотрудничество в газете и даже вернуться в состав ее редакции. При этом он признает, что при создавшихся отношениях возвращение Ключникова в редакцию невозможно и что, если бы не произошло переворота 23 августа (исключения Потехина и Ключникова из членов редакции – А.К.), то все равно через неделю или через две после возвращения из России уход Ключникова из газеты стал бы неизбежен. Он согласен вернуться в газету без Ключникова, против чего с некоторыми оговорками не возражает и Ключников. Против возвращения Потехина нынешняя редакция не возражает» [2, д.217, л. 39]. Сообщив, как бы между прочим, что по сообщениям близких к Ключникову лиц, тот «ведет переговоры с иностранными капиталистами о размещении здесь части акций «Новой Нивы» (дело вроде и неплохое, но все же ...), Крестинский закончил свое письмо выражением уверенности что «при таком настроении всех действующих лиц ... на сегодняшнем совещании удастся добиться компромисса, который фактически удовлетворит всех семерых, а формально или также всех семерых, или всех, кроме одного Ключникова» [2, д.217, л. 40].

Совещание прошло в «тяжелых многочасовых прениях», но как и ожидалось, закончилось весьма успешно, удовлетворив всех, кроме Ключникова. Резолюция, принятая и подписанная всеми, в том числе и – безнадежно вынужденно – Ключниковым, не оставляла последнему никаких надежд (если они были искренними)

сохранить «правый» имидж в кругах будущих читателей еще не рожденной «Новой Нивы». После акта подписания, Крестинский, чтобы не сглазить, подождал публикации «Протокола заседания» в «Накануне» и в день выхода победного номера газеты (30/IX-1922 г.) послал оригинал в ЦК. В коротком сопроводительном письме сообщалось, что инцидент благополучно ликвидирован «с несомненным выигрышем для газеты» [2, д.217, л. 41].

В тексте протокола, после короткого изложения истории конфликта представленной в виде ряда недоразумений и расхождений в понимании сторонами задач и способов ведения газеты, сообщалось, что, несмотря на невозможность дальнейшего совместного ведения издания, «как Юрий Венеаминович Ключников, так и Юрий Николаевич Потехин, так и члены нынешней Редакционной Коллегии «Накануне» признают желательным и возможным в дальнейшем взаимное сотрудничество, в интересах того общественного дела, которому те и другие посвятили свои силы. ... Принятием и опубликованием вышеуказанной резолюции – говорилось в заключении, – все недоразумения между нынешней Редакционной Коллегией «Накануне» и Ю.В. Ключниковым и Ю.Н. Потехиным считаются исчерпанными и ликвидированными» [2, д.217, лл. 42-43].

Более неприятного и добивающего, и без того поверженного Ключникова, вердикта, придумать, в интеллигентной форме, было трудно. Триумф Крестинского и всех, кто его поддерживал был полным. Спустя почти полтора месяца, 12 ноября 1922 года, в ЦК РКП(б) пришло очередное письмо советского полпреда в Германии по вопросу о «Накануне», но уже совершенно другого тона и содержания. Автор сообщал «главному акционеру» о том, что сумма, отпущенная на издание газеты, к первому января 1923 г. будет израсходована и просил решить вопрос либо о закрытии, либо о продолжении, а, следовательно, о дальнейшем финансировании издания. Из письма следовало, что финансово-коммерческая сторона дела достаточно плачевна и обойтись собственными средствами возможности не представляется. Крестинский сетовал на то, что русские сотрудники газеты

получают гонорары «по русским тарифам, т.е. в пять раз больше, чем в Берлине» [2, д.217, л. 44] и ратовал за поступление большей части, получаемой от распространения газеты в России, прибыли, в кассу «Накануне». Сообщив, что расширение заграничного тиража невозможно ввиду насыщения интеллектуального рынка, а увеличение тиража в стране Советов влечет увеличение убытка и дефицита, полпред поведал о коммерческих усилиях редакции на ниве создания подсобных предприятий типа Бюро Объявлений Акционерного Общества «Накануне», книжного издательства «Накануне» и даже отдела по скупке и перепродаже другим издательствам газетной бумаги. «Все эти подсобные операции, – писал он, – приносят прибыль. Но первые две из них требуют известного срока, после которого эта прибыль начнет ощутительно реализоваться» [2, д.217, л. 45]. Завершалось письмо вполне отчетливыми математическими выкладками о ежемесячном дефиците газеты в 1500 долларов (3000 золотых рублей) и необходимости ассигнования на первое полугодие 1923 г. 20 тысяч золотых рублей. «Мое мнение таково, – закончил автор, – что газета, несмотря на отдельные ляпсусы и ошибки, в общем приносит нам пользу, а в связи с обострением ближневосточного вопроса, повышением интереса к нашей внешней политике и с приближением лозаннской конференции, и впредь будет нам еще нужна» [2, д.217, л. 45].

В Москве просьба Крестинского была услышана и поддержана. 7 декабря 1922 года Оргбюро ЦК РКП(б) приняло, а 14 декабря того же года Политбюро ЦК РКП(б) утвердило постановление, которое гласило: «Согласиться с предложением т. Крестинского и заключением Агитпропа и Финкомиссии ЦК об ассигновании т. Крестинскому 20.000 рублей золотом на 6 месяцев из резервного фонда СНК» [3, д.326, лл. 4,8].

Организованное на время Генуэзской конференции, издание сменовеховцев, значительно полевев усилиями Крестинского и кампании, дожило до Лозанны и продолжало выполнять отведенную ей в грандиозном пропагандистском шоу роль. Просуществовало оно до 1924 года. Конечно же, благодаря финансированию, «глав-

ный акционер» (ЦК РКП(б)) «заказывал музыку», но сводить на этом основании роль газеты к партийно-политическому листку не стоит. Трудно до конца объяснить мотивы поведения Ключникова, но, даже если это только (а автор думает, что это далеко не так) простая корысть и личные амбиции, то сам период определенной, хотя и непродолжительной поддержки его позиции официальной Москвой, давал, в качестве результата, помимо пропагандистской утки, возможность выражения мысли на страницах широко распространяемого издания целому ряду незаурядных и талантливых людей. (Вспомнить хотя бы А. Толстого и М. Булгакова). Сама идея издания «с двойным дном» уже изначально заключала в себе неоднозначность конечного результата. Общение с печатью всегда напоминает разговор, где степень продвижения к истине прямо пропорциональна интеллектуальному уровню собеседников. Было бы с кем поговорить.

И все же! Этот небольшой эпизод из истории сменовеховцев еще и еще раз показывает всю сложность истории двадцатых годов нашего века. Не хотелось бы, чтобы материал данной статьи не был воспринят как лишнее тривиальное подтверждение коварности большевиков, наводнивших Европу, помимо агентов ВЧК-ГПУ, другими порождениями «призрака коммунизма». Давно известно, что сила советской разведки была не в гениальности вербовщиков, а в привлекательности идеи, представителями которой выступали последние. Люди сами охотно помогали большевикам, и, как это не неприятно слышать сегодня многим, делали это искренне, убежденно и добровольно. Русские эмигранты не были в этой категории большинством. А, значит существовали на то и причины, ибо дыма, как известно, без огня не бывает. Идея социальной справедливости в ее различных (в том числе и в уродливо-коммунистической) формах имела в 20-е годы широкое распространение по всей Европе. Сменовеховцы на этом фоне выглядят менее «порочно»: сквозь политические расцветки окружающих горизонтов они пытались рассмотреть Родину. И как знать, вполне возможно, что делали это вполне искренне, в соответствии с внутренними убеждениями. Как впрочем и большинство «евразийцев» –

параллельно возникшего (и опять таки не без участия большевиков, но это уже отдельный сюжет) общественного движения эмиграции (одновременно со «Сменой вех» в Софии появилась другой сборник общественно-политических статей – «Исход к Востоку», ознаменовавший рождение «евразийства». В нем были напечатаны статьи Н.С. Трубецкого, Г.В. Флоровского, П.Н. Савицкого, П.П. Сувчинского. Одна из системообразующих сюжетных линий сборника

– призыв смириться с революцией, как со стихийной катастрофой нагрянувшей на Россию с тем, чтобы путем преодоления рожденного ею социализма возродить Церковь). И, думается, принятие встречного движения большевиков, имевших, безусловно, свои цели, их финансовых услуг – не столько грех сменовеховцев, сколько причудливый выверт времени, порожденный трагедией разделенного политическими баррикадами народа.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Наше Отечество. Опыт политической истории. Часть II, М., 1991.
2. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 5, оп. 2.
3. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17, оп. 3.
4. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 4, оп. 1.
5. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 5, оп. 4.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Nashe Otechestvo. Opyt politicheskoi istorii. Chast' II, M., 1991.
2. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii. F. 5, op. 2.
3. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii. F. 17, op. 3.
4. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii. F. 4, op. 1.
5. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii. F. 5, op. 4.